
Тридцать пять лет работы Дарвиновского Музея (1905 — 1940)

1905 — 1935

Александр Федорович Котс

Приступая к своему Докладу о работе Дарвиновского Музея за истекшие 30 лет, я начинаю с оговорки: Мой Доклад **не** Юбилейный, несмотря на закругленность и солидность цифры, что красуется в начале заголовка. И не юбилеем мой доклад по следующим основаниям.

Всего прежде потому, что срок официального тридцатилетия давно уже миновал: в конце прошлого года и за занятостью нашей мы его, признаться, просто упустили. Это опущение тем более естественно, что указать **точно** дату нашего Музея вряд ли вообще возможно.

Как любой природный организм формируется задолго до рождения, так и Дарвиновский Музей, хотя формально был основан в 1905 году, но на деле в некоторых частях своих восходит до конца прошлого века, как показывает фотоснимок (1896.), представляющий маленькую комнатку, заставленную чучелами птиц собственных сборов основателя Музея, бывшего в ту пору гимназистском IV-го класса.

Но и эта дата не была бы окончательной: для получения последней нам пришлось бы взойти далее назад — к раннему отрочеству будущего основателя Музея..

Но, конечно, эти первые десятилетия, предшествовавшие созданию Дарвиновского Музея были только скромные прелюдии. Даже более того. Прелюдиями были и последующие 12 лет, после формального создания Музея в 1905 году. Присвоивший себе название «**Дарвиновского**» («Museum Darwiniatum») задолго до Октябрьской Революции Музей наш только с осени 17-го года получил необходимые условия для своего развития.

Но есть, однако, некоторое другое обстоятельство, еще одно обоснование отложить наш скромный юбилей.

В переживаемую пору наш Музей сравним с судном, груженным драгоценным грузом, собиравшимся почти полвека капитаном и матросами судна. Лишь очень небольшую часть этого груза удавалась экипажу корабля показывать отдельным посетителям судна. Большая часть сокровищ бережно хранится в трюме, в ожидании высадки в надежной и просторной гавани. Судно наше лишь приближается к последней — к получению своего, просторного и специально приспособленного здания, могущего принять и развернуть бесценные сокровища Музея. Гавань на виду — проект нашего здания Музея ждет осуществления.

Но опытные музеологи, мы наше окончательное торжество отложим до момента получения собственного здания — и оставшиеся годы посвятим упорному, энтузиастичному труду пополнению и теоретической распланировке нами собранных сокровищ.

Но является вопрос: каков же этот груз? И такова ли его ценность? Нам — кормчему и экипажу корабля — он слишком хорошо известен: долгие десятки лет он собирался нашими руками.

Хорошо известен он и сотням тысяч посетителей Музея, правда, лишь частично и в условиях, определяемых и помещением, и персоналом. О действительных богатствах нашего Музея, об условиях его работ и, что важнее, о ближайших перспективах его деятельности гораздо менее известно, вопреки неоднократным выступлениям моим в печати.

Таков ближайший повод настоящего доклада, ставящего целью ознакомить более широкие круги общественности с тем, как создавался Дарвиновский Музей, что он собою представляет, в чем его особенность и каковы его ближайшие задачи, его нужды, его творческие перспективы...

Начнем с первейшего вопроса: «Что такое Дарвиновский Музей?»

Сказать, что наш Музей — это система экспонатов, поясняющих учение Дарвина заведомо и совершенно недостаточно. Подобное определение подойдет к целому ряду существующих в Москве Музеев, Выставок или научных кабинетов, ни в малейшей мере не передавая основных особенностей, как единственного в своем роде учреждения.

Начнем с идеи. Тридцать лет тому назад мысли основать Музей, всецело посвященный иллюстрации Теории Эволюции, могла считаться абсолютно новой и не только для России. Филетического Иенского Музея Гэккеля в то время еще не существовало и помимо небольшого школьного Музея в Дубельне и более известной «Дарвиновской Залы» Кенсингтонского Музея, не было попытки претворить учение Эволюции и Дарвинизма на музейных экспонатах. Странное, парадоксальное явление: имелось в разбираемую пору множество музеев, еще больше дарвинистов и, однако, сочетать «Музей» и Дарвинизм никому не приходило в голову. Не приходила эта мысль в голову и пишущему эти строки до его поездки за границу весной и летом 1905 года. Только там, знакомство с выдающимися дарвинистами — Геккелем, Де-Фризом, Вейсманом, как и знакомство с величайшими музеями и, в частности, с Британским, осознание несовершенства его с Дарвиновской Залой, навели на мысль о сознании более продуманного, цельного Музея, специально посвященного Теории Эволюции и Дарвинизма.

Такова идея — как следствие контакта образов великих дарвинистов и крупнейшего музея Запада.

И на очереди встал вопрос — о поведении идеи в жизнь. Выполнение задачи этой оказалось не совсем обычным и осуществилось лишь благодаря давнишнему знакомству, пишущего эти строки, с препаратором-натуралистом Ф.К. Лоренцем.

Когда-то хорошо известный и в академических кругах, как даровитый орнитолог, автор нескольких печатных трудов, Ф. Лоренц пользовался славой замечательного препаратора-художника. Новатор в области научно таксидермии — искусства моделирования препаратов высших позвоночных, млекопитающих и птиц — достигнув в технике монтажа замечательного мастерства, сам Лоренц всего прежде был ученым и художником и всего менее — коммерсантом, долгие десятилетия на льготнейших условиях снабжавший русские музеи, в частности и Дарвиновский, замечательными препаратами. Можно уверенно сказать: без Лоренца не было бы и Дарвиновского Музея и не только потому, что ни одна другая препараторская фирма, (а их было тогда несколько в Москве) не согласилась бы работать на таких же льготных денежных условиях на Музей, но и потому, что качество продукции всех прочих препараторов было настолько низкой, что заведомо отбило бы охоту пользоваться ею.

Даже более того: без Лоренца и его фирмы не было бы и самого талантливого его ученика и сосоздателя Музея — превосходшего неизмеримо своего учителя — Ф.Е. **Федулова**, создателя громаднейшего большинства всех препаратов Дарвиновского Музея за истекшее тридцатилетие. Лишь исключительное мастерство монтажа препаратов, вышедших из рук тов. Федулова за 30 лет, сделало то, что величая идея нового Музея обеспечена была достойной формой ее внешнего отображения.

И, однако, ценное как средство, техника не предрешает метода и плана проведения идеи. Превосходных препаратов есть немало и в других музеях, в частности в Музее Академии Наук, как и в Зоологическом Музее при Москов. Университете. Есть талантливые препараторы и за границей.

Истинно новаторской была не самая идея нового музея и не техника монтажа, а логичность, плановость и методичность проведения идеи, строгое логическое подчинение и соподчинение отделов, органичность экспозиции, ее **идейная архитектура**. Каждый отдельный шкаф — **отдельная глава**, каждая полка — аргумент, каждый объект — **слагаемое аргумента**. Нет неоправданных, немотивированных экспонатов. Что немотивированно — исключается из экспозиции.

Нет ничего лишнего. Каждый объект лишь в меру его роли и значения как части целого.

Естественно спросить: откуда эта четкость плана, этот ригоризм в проведении его, несвойственные вообще музеям того времени?

Ответить на вопрос нетрудно: весь Музей, хотя и был задуман, как общеобразовательный и массовый по типу своего прообраза Британского Музея, — тем не менее, фактически, организовывался как **учебно-вспомогательный** музей при Высших Женских Курсах, как наглядный демонстрационный аппарат при Курсе Эволюционного Учения и Дарвинизма, мною читанном на Женских Курсах.

И легко понять, что обязательная для такого курса строгая логичность построения программ лекций целиком определила и систему построения нового Музея. Все, кому случалось составлять программы циклов лекций, знают хорошо, как многое зависит от разумного ограничения материала и логического, связанного расположения. Та перегруженность и та логическая неоправданность, немотивированность, что нередко (чтобы не сказать: обычно!) наблюдается по отношению ко многим экспонатам в большинстве музеев, и которые как будто безнаказанно проходят для **музейных** посетителей, немедленно сказались бы для слушателей аудиторией лекции.

Вот почему обычный грех громаднейшего большинства музеев — нелогичность внутренней структуры, малая идейная преемственность отдельных экспонатов или их комплексов, — абсолютно чужд был Дарвиновскому Музею с первых лет его существования и грозил скорее обернуться в противоположную крайность: слишком жесткое ригористическое требование обязательной логической взаимной связи (будь то по принципу сходства или антитезы) между каждой парой экспонатов или группами из таковых. Можно оспаривать в отдельных случаях характер этой связи, находить ее чрезмерно трудной и академической, но отрицать тот первый безусловный факт, что взятый в целом Дарвиновский Музей, возникает в свое время, как протест против аморфной, бесструктурной экспозиции Британского Музея, как протест против музеев старого академического типа, могут лишь любители последних, или, выражаясь вежливо, «музейные или моральные дальтоники».¹

Итак, в исходе первой пятилетки жизни Дарвиновского Музея три его главнейшие особенности ясно обозначились:

Четкость идеи, методичность проведения ее и внешнее правдивое и грамотное оформление.

Однако, ценные для всякого Музея, эти три достоинства Дарвиновского Музея покупались дорогой ценой: при почти полной безнадежности в ту пору на общественную помощь, приходилось устройство Музея приурочивать к какому либо учреждению, в частности к Московским Высшим Женским Курсам, этой наиболее передовой и либеральной высшей школы того времени.

Такая **вынужденная** связанность Музея с высшей школой, обеспечивая самую возможность создания Музея, тем не менее таила в себе явную опасность: **превращение Музея Дарвина в учебно-вспомогательное учреждение в ущерб его прямому назначению, как Музея массового учреждения**.

И легко понять, что для предотвращения этой опасности необходимо было провести четвероякую реформу.

- I. Удалить из экспозиции неполноценные объекты школьного, учебного характера: рисунки, копии из книг, таблицы, схемы, диаграммы, спиртовые, формалиновые препараты.
- II. Концентрировать тематику за счет лишь самого необходимого общедоступного для понимания руководящей, основной идеи с опущением всего профессионально-узкого и специального.
- III. Пронизать экспонатуру полноценными произведениями искусства живописью и скульптурой.
- IV. Оттенить экспонатуру результатами самостоятельной исследовательской работой.

Именно таким путем шло превращение Дарвиновского Музея из бывшего специального, учебно-вспомогательного Кабинета в Учреждение массового типа.

Выключалось постепенно, в ходе названного превращения, все чрезмерно специальное по теме, целые десятки глав (и соответствующих примеров), обязательных для длительного (годового) курса в Высшей Школе и для подготовленных студентов, специально изучающих предмет, но неоправданных для массовых **факультативных** слушателей, ограниченных и временем (часто одной сквозной экскурсией) обычно слабо и совсем неподготовленных. Полный отказ от «энциклопедизма», от погони за количественными показателями, от попытки превратить в музей **все** тематики и факты, относящиеся к данной области. Уместное для «Выставок» и для музеев специального учебного характера даже частичное осуществление этого принципа значило бы заглушить Музей, как массовое учреждение.

Удалялись постепенно из музейной экспозиции все препараты и объекты «школьного», учебного характера и массового производства, изгонялись копии таблиц, модели, схемы, диаграммы, спиртовые, форма-

---

¹ Уместно, впрочем, указать, что исключительная плановость, идейность Дарвиновского Музея в целом и логическая мотивированность всей его экспонатуры — признавалась безраздельно всеми объективно подходившими к оценке учреждения.

линовые препараты (кроме единичных случаев, заведомо незаменимых..). Нужные, необходимые и обязательные для музея школьного, учебного — эти «учебные пособия», внесенные в Музей, автоматически и неизбежно приносили элемент «Учебно-Вспомогательного Кабинета».

Эта потребность удаления «учебных» элементов из экспозиции Дарвиновского Музея осознавалась, правда, далеко не сразу, но лишь в ходе творческой работы и проверки экспозиции: достаточно сказать, что этот длительный процесс искоренения «учебных» элементов из экспонатуры нашего Музея даже ныне не закончен, и что многие десятки «школьных», «ученических пособий» еще ждут замены на «музейные» объекты.

Так упорно 30 лет по основании Дарвиновского Музея еще чувствуются отрицательные отголоски его прежней роли, как учебно-вспомогательного учреждения.²

На первый взгляд могло бы показаться, что изъятие из экспозиции объектов школьного характера не представляет затруднений: стоит лишь повыкинуть невзрачные по виду банки, склянки, ящики, коробки и таблички Ватманской бумаги.

Упрекать общедоступный массовый Музей за неимением в нем нудных мало выразительных учебно-вспомогательных пособий, головою выдает не только неспособность этих критиков понять различия между подлинным **музеем** массового типа и учебным, школьным **кабинетом**, но и полное смешение понятия музейных «экспонатов» (обязательно включающих элемент научно-художественного творчества!) и «школьного, учебного пособия» — продукта массового заводского производства.

Упрекать наш **Дарвиновский Музей** в отсутствии подобных трафаретных фабрикатов при наличии в нем сотен экспонатов, абсолютно уникальных содержанием и формой, столь же вразумительно, как если бы, войдя в наши теперешние гастрономические магазины с их изысканными блюдами, изготовляемыми в соответствии с потребностями кулинарии и диететики сказать: «Все это так, но я не вижу на прилавках ни мороженой картошки первых послереволюционных лет, ни хлеба, смешанного с отрубями? Или, взявши более удачное сравнение, как если бы зайдя в теперешний передовой колхоз мы упрекнули бы его за игнорирование сохи... ради комбайнера, ручных цепов — ради усовершенствованных молотилок!»

«Вводить за правило, в музейный обиход, объекты или установки, временно оправданные под давлением преходящей нищеты и трафаретной мысли — это ли не „Тес имониум Паупертатис“ — Свидетельство и признак интеллектуальной скудости»!?

На первый взгляд могло бы показать, что изъятие из экспозиции объектов школьного характера не представляет затруднений: стоит лишь повыкинуть невзрачные по виду банки, склянки, ящики, коробки и таблички Ватманской бумаги.

Но не трудно видеть, что такая операция бескровно удастся только там, где «школьные объекты» вкраплены в музейные.

В противном случае является опасность вместе со школьными объектами повыкинуть и весь Музей! Но даже в первом случае за негативной, отрицательной манипуляцией должна последовать и позитивная: замена удаленных школьных экспонатов — сходными по смыслу — полноценными музейными: таксидермическими, живописью и скульптурой.

Возвращаясь к прерванному историческому очерку возможно утверждать, что как бессилён был бы Третьяков создать свою единственную в мире Галерею, при отсутствии талантливых художников, также и Дарвиновский Музей не мог бы быть основан без наличия в Москве известной в свое время Лоренцовской

---

² Скорбным юмором, едва не ставшим истинной трагедией для Дарвиновского Музея, прозвучало пару лет тому назад категорическое предложение одной «Комиссии» о возвращении Музея в положение учебно-вспомогательного учреждения для студентов!!!....

Еще более комическим является упрек, однажды брошенный Музею с кафедры одним московским «горе-музеологом», упрек в отсутствии так называемых «мокрых» препаратов, — т.е. банок с заспиртованными внутренностями животных. Мало инструктивные, неэстетичные до крайности, пригодные только условно для учебных целей, полностью лишённые начала творчества научного и экспозиционного означенные банки с вскрытыми животными, как образцы штампованного, массового производства, можно в любое время получить в любом количестве в торговых фирмах.

мастерской. Однако, для предельного использования последней и для закрепления за Дарвиновским музеем замечательных ее изделий требовались жертвы о которых ничего не знали состоятельные основатели-владельцы «Третьяковки».

Основанием Музея послужили, — как им видели — оставшиеся от отроческих лет коллекции, как и объекты, специально покупавшиеся у московских препараторов, (преимущественно в первоклассной мастерской **Ф. Лоренца**) и в виде материалов — (материалов получавшихся из-за границы), Все расходы по покупке их, оплачивались исключительно из личных средств основателя музея, отдававшего на это дело свои заработки, слагавшиеся из следующих сумм:

Университетская стипендия, как оставленного при Университете.....	600р. —
Ассистентство в Университете.....	400р. —
Ассистентство на Высших Женских курсах.....	600р. —

К этим заработкам присоединялись: гонорар за чтение лекций по Анатомия человека с эволюционной точки зрения, жиж читавшиеся периодически на Женских Курсах (600р. —) и Курс Эволюционной Теории, регулярно читавшийся с 1908 года (600р. —).

В общем — ежегодно тратилось из личных заработков пишущего эти строки от 2.000 до 2.500 рублей.

Это всецелое предоставление всех заработков на дело составления музея возможно было только при условии крайней экономии личной жизни, вернее — при условии почти полного отказа от нее (экономился, буквально, каждый пятак в еде, одежде и в езде по городу «конке») и урезывании всего, не связанного с Музеем.

Эти денежные жертвы были, впрочем, только слабые прелюдии позднейших.

Твердое решение всецело посвятить себя строительству Музея и намерение связать его с Женскими Курсами — как с более живым, и жизненным, и более свободно развивавшимся в ту пору, Учреждением, чем Московский Университет осуществилось, однако, дорогой ценой: в 1908 году пришлось оставить Университет, оставить вынужденно, невзирая на горячий интерес к преподаванию в нем, единственно из-за отказа основателя Музея приурочить его к Университету. Эта осмотрительность не связывать судьбу Музея с таковой Университета оправдали себя несколько лет спустя, когда разогнанные Министерством Кассо Университетские профессора пристроились на тех же Курсах.

Между тем за первой жертвой, в скором времени, потребовалась и другая. Спустя всего два года после основания Музея в 1909 г. внезапно умер препаратор и натуралист **Ф. Лоренц**.

Предстояло уберечь от распродажи его ценное наследие: обширные коллекции зверей и птиц и сохранить специалистов-препараторов, своим искусством закрепивших славу мастерской, как первой и единственной в России. При неимении требуемых денег (требовались тысячи) и при отсутствии соответствующих преемников для руководства фирмой (требовалось редкое сочетание зоолога и препаратора) — не оставалось ничего другого, как приняться самому за дело, временно пожертвовать наукой для развития Музея, променять врожденное призвание ученого на роль руководителя торговой фирмой. Осенью 1909г. состоялось приглашение пишущего эти строки к общему коммерческому и научному заведыванию фирмы **Лоренц** на условии, что причитающееся жалование будет выплачиваться лишь натурой: чучелами и что мастерская будет продолжать работать на **Музей** по льготной и пониженной расценке.

Это неожиданное применение, полученного с детских лет практического опыта в препаровальном деле — ради сохранения фирмы **Лоренца** и косвенно развития Музея — в действительности оказалось крайне тягостным не только в отношении физическом, но и моральном. Все свободное от Курсовых занятий время приходилось безотлучно, круглый год, лето и зиму проводить за магазинными прилавками, заставленными чучелами и коврами из звериных шкур, в душливом и спертом воздухе, пропитанном парами мышьяковистых растворов, среди смрада от вываривания в мастерской звериных черепов и обдираемых звериных трупов. Несравненно тягостнее, чем физические, внешние условия дежурства — в магазине был угнетающе-бездушный механический характер выполняемых работ: (ведение конторских записей, отправка сделанных заказов, писание квитанций и накладных, прием заказов (и особенно общение с спортсменами-за-

казчиками из «привилегированной» охотничьей среды, выслушивание их глупейших требований при вручении заказов, а порой и выговора за несполненный во время заказа.

Около трех лет (1909-1911) заведывание фирмой **Лоренца** зарплату чучелами обеспечили за **Дарвиновским Музеем** множество ценнейших препаратов, как за счет имевшихся коллекций **Лоренца**, так и приобретенных через посредство многочисленных корреспондентов и заказчиков со всех концов России, посылающих в мастерскую **Лоренца** свои охотничьи трофеи, переуступавшиеся иногда Музею.

Еще более значительным для будущей судьбы Музея было то, что к делу созидания его удалось привлечь участие и талант самого ценного и главного сотрудника **Ф. Лоренца** — препаратора **Ф.К. Федулова**, явившегося впоследствии самым главным сотрудником Музея — его главнейшим соиздателем.

Но, разумеется, самым решающим моментом, всего более определившим будущее и Музея было то, что с 1911г., рядом с основателем Музея, в качестве — единственного первого идейного сотрудника и друга, стала **Н.Н. Котс** (урожденная **Ладыгина**, бывшая слушательница Моск. Высших Женск. Курсов), сумевшая одна всецело разделить идею создаваемого вновь Музея, уверенность за будущность его и жертвы, что стояли на пути его осуществления.

Почти потерянное для научной подготовки, крайне тягостное и морально и физически — трехлетнее служение в фирме **Лоренца** — за плату «чучелами» оказалось очень плодотворным для музея, приобретшего таким путем все ценное зоологическое наследие покойного натуралиста без затраты денег.

А в итоге — скромные вначале, состоявшие при основании своем из одного лишь шкафа (1905), возросшие до трех (1909г.) шкафов, коллекции Музея, будучи развернуты на время IX Съезда Естествоиспытателей Врачей, в форме специальной Выставки — могли привлечь серьезное внимание ученых, а тремя годами позже — в 1912 году, впервые получили небольшое помещение, специально отведенное Администрацией Курсов в Мерзляковском переулке. Сплошь заставленное до непроходимости шкафами, это первое самостоятельное помещение Музея представляло из себя лишь тесное хранилище учебно-вспомогательного материала, широко обслуживавшее лишь слушательниц Курсов в прилегающей к Музею аудитории.

Тем характернее, что даже в эту пору (в 1912 году) — свернутого состояния, музей по содержанию своему и, разумеется, по численности экспонатов, не идейной выдержанностью плана, художественной монтажной работой препаратов и оригинальностью картин, являл собою исключительную ценность даже для ученых Западной Европы. Как образец мнения заграничного ученого достаточно здесь привести письменный отзыв о Музее, сделанный профессором Людвигом **Геккем**, директором Берлинского Зоологического Сада, известным систематиком и фаунистом и талантливейшим популяризатором, посетившим **Дарвиновский Музей** зимою в 1912 году.

«The Museum Darvinianum ist ein bewunderungswürdiges Werk, zumal wenn bedenkt, dass es eine Schöpfung aus den Kräften und Mitteln eines Einzelnen ist: Ich wüsste ihm hier, in Deutschland Nichts an die Seite zu setzen».

«**Наш Дарвиновский Музей** — достойное удивления творение, особенно, если учесть, что оно является созданием сил и средств единого лица: ничего равного ему здесь, в Германии, я не смог бы указать.»

—Профессор Людвиг **Гекк**.

Между тем, уже в ту пору, в 1913 году, Музей настолько перерос себя, как частное начинание, что самый факт одноличного владения им — все тягостнее чувствовался основателем его.

Это сознание, что учреждение, предназначенное для широкого обслуживания общества не может остаться собственностью одного лица, сознание это побудило выполнить давно назревшее решение пожертвовать Музей Московским Высшим Женским Курсам на условиях, могущих обеспечить надлежащее его развитие. Было также оговорено, пожизненное заведывание Музеем — основателем его, а после смерти создательницей Музея **Н.Н. Котс**, причем ни о каком вознаграждении последнего за труд и хлопоты по самому заведыванию Музеем, после передачи его Курсам, не упоминалось.

Равным образом пришлось довольствоваться первые годы — размещением шкафов Музея по открытым коридорам и Аудиториям Корпуса, и там же, в коридорах, среди шума и движения, вести вечерние занятия по демонстрации Музея слушательницам Курсов, собиравшихся по вечерам, после 8-ми часов, несколько раз в неделю для таких необязательных занятий.

Обеспечив таким образом — через пожертвование Музея Курсам — внешнюю сохранность своего Музея (бывшее до того помещение в Мерзляковском пер., где в одной из аудиторий Курсов размещались временно музейские шкафы, представляло угрозу в пожарном отношении: оно горело регулярно раз в два года —) приходилось думать о его дальнейшем пополнении, с каковою целью летом 1913 г. и была предпринята Заведующим Музеем и его помощницей Н.Н. **Ладыгиной- Котс** поездка за границу.

Означенная поездка была предпринята с единственной специальной целью повторного и личного ознакомления с устройством зоологических Музеев Запада (Германии, Франции, Бельгии, Англии) с тем, чтобы использовать полученные сведения, при оборудовании и расширении **Дарвиновского Музея**. Тщательное изучение свыше 20 музеев (Дрездена, Берлина, Лейпцига, Галле, Иены, Нюрнберга, Штутгарта, Мюнхена, Франкфурта, Бонна, Кельна, Брюсселя, Парижа, Лондона, Тринга, Антверпена, Гамбурга, Альтоны и Бреславля) в отношении как внутреннего плана, так и внешней их организации, — дало возможность лично оценить достоинства различных методов практической музеологии; личное знакомство с директорами и заведующими Музеев подготовило желательную почву для последующих обменов дубликатами коллекции, не говоря о множестве вывезенных рисунков, планов, чертежей и фотографий созданий, мебелировки и препаратов, как и серии несуществующих в продаже гипсовых моделей или слепков редких форм животных, применительно к техническим работам, предстоящим **Дарвиновскому Музею**.

Вместе с тем повторное изучение ряда крупнейших зоологических Музеев Запада (как например, Берлина, Парижа и Лондона) и в особенности Филетического Музея в Иене, основанного Эрнестом Геккелем) подтвердило прежнее убеждение, что Музеи эти в иллюстрации важнейших обобщений эволюционного учения далеко уступают **Дарвиновскому Музею**, вопреки несовершенным временным условиям помещения:

По возвращении из заграницы осенью 1913 г. было приступлено к немедленному изысканию средств для оплаты части сделанных у заграничных фирм музейских приобретений, при чем за первую же зиму удалось собрать в пользу Музея от доходов с публичных лекций, от изданий брошюр и от частных, крайне тягостных, — уроков по Естествознанию в богатых буржуазных семьях — свыше 1.000 р.

Дальнейшие уплаты, как и вообще сношения с заграницей прекратились из-за мировой войны, в такой же мере угрожавшей полной остановкой роста и развития Музея, насколько последовавшая за Войной Революция содействовала небывалому его развитию.

В двух отношениях эпоха империалистической войны (1914-1917) сказалась крайне тягостно на жизни **Дарвиновского Музея** и его создателей.

- a. Внешний: вследствие мобилизации самого главного и давнего сотрудника Музея и его доподлинного создателя — художника препаратора Ф.Е. Федулова и далее, повторными призывами самого Заведующего, правда, каждый раз фактически отсрочиваемых по его болезненности.
- b. С идейной стороны: поскольку империалистическая бойня вскрыла с очевидностью все вопиющее убожество духовной, внутренней «культуры» и «цивилизации», основанной на лжи и лицемерии ее официально признанных руководителей. Так, в частности, опубликованный в конце 14-го года, за подписью Э. Гэккеля и Эйкона, призыв порвать **научные** сношения с **учеными** России и распространить вражду в область интернационального **научного** общения — этот характерный, прискорбный документ наглядно доказал бессилие академической науки противостоять порывам шовинизма, захватившего в ту пору и ученые круги России.

С переходом к революционному периоду представляется уместно охарактеризовать тогдашнюю позицию Музея и его создателя по отношению к обеим революциям Февральской и Октябрьской.

Боровшись со студенческой скамьи, но не с царизмом, а с академизмом, в смысле чуждой для широких масс, узко формальной, цеховой науки, карьеризмом и бюрократизмом в области науки и ее преподавания, — лично повторно пострадав от них, автор, ни мало не надеялся на то, чтобы свободы «представительного строя» принесли с собой также и свободу для науки, ее полное решительное обновление.

Эти опасения подтвердились в первые месяцы после февральской Революции. Начавшаяся в эту пору полоса событий, митингов и сходок — захватила широко и здание Женских Курсов, наводняя Аудиторный Корпус массой постороннего народа, угрожая этим самым и сохранности шкафов Музея, расположенных открыто в коридорах здания.

Долгие месяцы напрасно обращался автор к Курсовой Администрации, моля об отведении под Музей какого-либо закрытого помещения, во избежание расхищения единственных по своей ценности коллекций.

Только вынужденное отчаянием, категорическое заявление, разосланное циркулярно всем преподавателям тогдашних Курсов, заявление, что при дальнейшем оставании Музея в обстановке «улицы» Заведующий Музеем будет вынужден сложить с себя ответственность за сохранение единственного в своем роде Учреждения вызвало позднее удовлетворение ходатайства.

Впервые, после ряда лет, коллекции Музея снова получили замкнутое помещение (теперешний 2-й Этаж) и, с этого момента — осени 17-го **Дарвиновский Музей** впервые за все время своего существования мог подумать о достойном размещении своих сокровищ.

Это водворение Музея во впервые отведенное ему просторное и замкнутое помещение осуществилось, впрочем, уже после Революции Октября. И, прежде чем переходить к этому послереволюционному периоду жизни Учреждения и его строителей — необходимо подчеркнуть те общие моменты и условия, которые принес Октябрьский переворот, отметивший начало новой Эры для развития и роста **Дарвиновского Музея**.

В общем можно без преувеличения сказать, что первые же годы Пролетарской Революции (1917-1921) явились для Музея и его создателей — эпохой наивысшего подъема его творческой работы.

Забегая несколько вперед, достаточно сказать, что ряд ценнейших экспонатов: оригинальные картины, препараты и скульптуры, не имеющиеся ни в одном музее мира — были созданы на месте силами его сотрудников, именно в это время: в годы полного застоя жизни большинства Музеев, как и вообще научных учреждений. И причины этого парадоксального явления — расцвета творческой работы учреждения в самую трудную катастрофическую пору жизни целого народа — причины этому, конечно, коренились столько же в условиях той, героической эпохи, сколько и в натуре создателей Музея, в учреждениях и взглядах пишущего эти строки.

Обратимся, прежде всего, к этим внутренним причинам и моментам собственно идейного порядка, как имевшим наибольшее значение, поскольку внешне материальные условия большинства Музеев, в разбираемую пору, были в сущности довольно одинаковы.

И всего прежде, здесь приходится отметить самое существенное обстоятельство, лежащее в основе всех других моментов и причин, содействовавших мощному развитию музея в годы общего застоя, прозябания и кризиса. Мы разумеем основное, неуклонно проводившееся с основания Музея правило: принцип безоговорочного подчинения всей личной жизни пишущего эти строки делу создания Музея, долгими годами выработанную готовность и привычку незаметно и легко мириться с трудностями личной жизни, игнорировать ее конкретные и материальные невзгоды — ради будущих идейных целей. Лишь поэтому, далекий от политики и партий — Основатель **Дарвиновского Музея**, будучи врасплох застигнутый Октябрьским переворотом, — для последующих лет военного коммунизма оказался в совершенстве подготовленным и закаленным. Для него, прошедшего муштру классической гимназии, издевавшего прелести Российских Университетов Николаевского времени, с их схоластической программой и китайско-средневековыми искусствами для аспирантов, — для него, прошедшего десяток лет борьбы с рутинной и бездушным себялюбием людей — борьба с бездушными стихийными врагами: тифом, холодом и голодом казалась и достойнее и легче.

Равным образом и в отношении новых социальных и экономических укладов жизни, принесенных Пролетарской Революцией — в сознании пишущего эти строки оказалось многое не новым.

Так, имея за собой десятилетний стаж бессменного и безвозмездного служения Музею (десять лет сплошного добровольного «Субботника» (нетрудно было воспринять идею трудовой повинности, а испытывшему все прелести повторного призыва при мобилизации, во время империалистической войны, нетрудно было по вопросу о последней — поменять «Русские Ведомости» на «Советские известия»). Да, наконец, и самая двадцатилетняя работа (с 1897г.) по созданию Музея среди полного непонимания окружающих, гонения одних и полного пренебрежения других, эти суровые подготовительные годы скрытого и неприметно-

го труда по созданию «будущего» учреждения — научили понимать элементарно, простое правило, что крупные новаторские достижения в науке, а тем более в экономической и социальной жизни — требуют двух основных условий: **времени и жертв**.

И если, в отношении **Дарвиновского Музея**, первые же годы Революции явились переломом в сторону могучего его расцвета, то не потому, конечно, чтобы для Музея создались какие-либо льготы или привилегии... но потому, что, в разбираемую пору, чуждый и политики и партий, основатель **Дарвиновского Музея** — революционер в своем воззрении на науку и ее служению, не уступал любому закаленному большевику в готовности нести самые крайние лишения и жертвы ради утверждения истинной культуры будущего, чуждой лжи и лицемерия, понятной нужной для широкой массы нашего народа.

Обращаясь к прерванному очерку истории Музея попытаемся конкретно противопоставить внешние условия его работы **до** и **после** Революции.

До Октябрьской Революции:

В отношении помещения: отсутствие его, — разбросанность шкафов по полутемным коридорам, недоступным массовому зрителю.

В отношении содержания: ограничение таксидермическими препаратами (мелкого и среднего размера), несколько десятков акварелей, сделанных Ватагиным. Ни живописи, ни скульптур.

В отношении персонала: единственный штатный препаратор (Ф. Федулов) годами оторванный от работы, будучи на фронте. Призыв Ватагина.

Октябрьская Революция. в корне изменяем дело.

Вслед за первой залой, постепенно в ходе поста и развития Музея, были предоставлены другие помещения, с доведением общей кубатуры до 4.000 метров. Демобилизуется Ф. Федулов и В. Ватагин. Экстренные доассигнования Наркомпросом средств на расширение работ Музея.

Этих предпосылок оказалось, к разбираемому времени, достаточно, чтобы начать большую, интенсивную работу.

Всего прежде удалось вернуться к прерванному творчеству Ватагину. Но инициативе пишущего эти строки создаются капитальные скульптуры современных антропоидов (и в том числе столь высоко ценяемая искусствоведом «Горилла в ярости» (осень 1917г.). Реконструкции фигур людей Палеолита (1918-1929) и монументальные скульптуры- бюсты Дарвина, Ламарка, Геккеля и Гете.

В ту же пору создаются многие десятки красочных картин по иллюстрации различных сцен из биологии животных, в частности, картины на тему: «Детство у животных» применительно к разделу Зоопсихологии, вновь основанному Н.Н. **Ладыгиной-Котс**.

Около того же времени, с начала 1918 года удалось вернуть в Музей и препаратора Ф. Федулова. Словно соскучившись по созидательной работе, после долгой разрушительной, — на фронте — этот лучший препаратор нашего Союза принялся с удвоенной энергией за свое сложное искусство — воссоздание обликов зверей и птиц из их прижизненных останков. Обезьяны, страусы, тигры, леопарды, львы, свезенные со всех концов земного шара, в виде съезженных, сухих и неприглядных шкур, в умелых опытных руках, вторично оживая, превращались в замечательные экспонаты, заполнявшие витрины Дарвиновского Музея.

Несколько позднее, (1921) вернулся с фронта и другой работник в области препаровального искусства, Д.Я. Федулов, чтобы целиком отдаться монтажке небольших зверьков и птиц, особенно домашних, в препарировании которых он достиг особого искусства.

Новым приобретением для Музея явилось приглашение крупнейшего художника в лице Михаила Дмитриевича **Езучевского**.

Знакомый автору еще в исходе прошлого столетия по классу рисования у художника Мартинова, М.Д. Езучевский уже о ту пору поражал своим глубоким, ярким дарованием.

Привлеченный для участия в работах **Дарвиновского Музея** — М.Д. Езучевский взял тематику, доступную только большому мастеру: История науки, в частности Естествознания Дарвинизма.

Человек большой культуры, тонко и проникновенно чувствующий «стиль эпохи», мастер техники — уверенного, смелого мазка и острого рисунка, Езучевский поражал своим умением отображения в самых сжатых абрисах тончайших, мимолетнейших нюансов человеческих переживаний. Портретист душевной жизни (Seelenaler) Езучевский создал в этой области десятки замечательных шедевров (Chef- d'oeuvre). От Гипатии и Аристотеля до Дарвина и Геккеля проходит перед нами величавая плеяда выдающихся мыслителей, представленных в моменты знаменательных событий их призвания и жизни.

Издавна задуманная автором еще под сводами Британского Музея эта серия картин нашла свое осуществление лишь двадцатью годами позже в даровании Езучевского. Безвременная смерть художника оставила эту работу неоконченной и, по-видимому, навсегда.

Минувя ряд других имен зоологов-художников, повторно привлекавшихся к работам Дарвиновского Музея в разбираемую пору, и отчасти получивших в нем свои «художественные шпоры» (Кондаков, Формозов), тем уместнее отметить фактор, всего более обусловивший успех работ Музея того времени.

Мы разумеем знаменательный тот факт, что в разбираемую пору, не в пример затихшей, полусвернутой работе большинства музеев, в Дарвиновском Музее творческая деятельность продолжалась неослаблено, вопреки всем внешним трениям и трудностям: недоеданию, холоду и голоду тифозной, мерзлой, голодающей Москвы. Можно уверенно сказать, что в это время первых послереволюционных лет (1918-1921) ни в одном другом музее нашего Союза творческая жизнь не протекала так уверенно, так плодотворно. День-за-днем, с утра до поздней ночи (не считаясь с праздниками) круглый год, зиму и лето (не считаясь с отпусками!) мастерские Дарвиновского Музея выпускали свои продукции: скульптуры, препараты и картины, создаваемые небольшой группой преданных, энтузиастических работников. «Вот сумасшедшие!» нередко приходилось слышать отзывы о них со стороны. «Все люди заняты поисками картошки и муки, а в Дарвиновском Музее — поисками гипса и олифы для художников.»

Так думали обитатели Москвы, но так не думали работавшие о ту пору в Дарвиновском Музее, для которых личная жизнь растворялась в творческой работе по созданию нового рассадника культуры для широких масс.

В ту пору первых послереволюционных лет все силы, все внимание были направлены на максимальное использование редкой конъюнктуры, давшей в руки основателя Музея замечательные кадры скульпторов, художников и препараторов и уникальные источники для пополнения Музея.

Эти пополнения слагались следующим образом:

- a. за счет приобретения коллекций частных лиц и поступлений от других музеев.
- b. Установлением связи с меховой промышленностью.
- c. Связью Дарвиновского Музея с Зоосадам.

Чтобы оценить значение этих четырех источников необходимо вкратце охарактеризовать главнейшие пробелы в экспозиции Музея того времени.

Эти пробелы состояли в следующем:

- a. неимение материалов по изменчивости беспозвоночных.
- b. Крайняя скудость материалов по изменчивости пушных животных.
- c. Полное отсутствие экспонатуры по Генетике и Менделизму.

В отношении каждого из этих недостатков **Дарвиновскому Музею** представилась возможность полного их устранения.

Всего прежде это удалось по первому разделу. Спешная эвакуация музеев Хомякова и Попова с передачей их зоологических коллекций Дарвиновскому Музею обеспечило за ним ценнейшие собрания по иллюстрации изменчивости беспозвоночных (насекомых ракообразных, моллюсков).

Несколько сложнее оказалось выправление двух других пробелов: пополнение главы изменчивости пушных животных и организация отдела Менделизма.

Первая задача разрешилась установкой связи Дарвиновского Музея с учреждениями меховой промышленности; второе — привлечением автора к заведованию Московским Зоосадам.

Каждая из этих двух работ потребовала, впрочем, столько силы, времени и жертв, что замечательные достижения, полученные их ценой, только едва оправдывали эти долголетние труды.

Начавшаяся с первых послереволюционных лет научно-производственная связь Музея с меховой промышленностью, связь науки с производством, продолжаемая и поныне, оказалась исключительно полезной. Но, однако, чтобы оценить ее полезно мысленно переместить в условия и обстановку капиталистической пушной торговли.

Многотысячная армия охотников, кустарно добывавшая пушнины и сбывавшая ее, обычно за бесценок, скупщика: препродажа скупленной пушнины спекулянтам, агентам торговых фирм Сорокоумовских или Михайловых, а через них имущим классам населения и за границ.

В этой цепи «деловой», коммерческой, «рублевой» связи, от охотников до меховых магнатов Лондона и Лейпцига для музеолога ученого не оставалось места, и включать запросы умственной культуры в это царство барышей, конечно, никому не приходило в голову.

Но вот проходит двадцать лет и как совсем иначе протекает ныне отношение задачи производства и науки.

Та же армия охотников, но производственно объединенная в колхозные артели. Вместо скупщиков и спекулянтов — государственные приемные конторы, направляющие всю сдаваемую им пушнину в сортировочные «базы». Главная, центральная Пушная База, помещается в Москве. Здесь, в специальном здании, так называемом Холодильнике **Союзпушнины**, сырьевой товар, пушнина сортируется и до отправки временно хранится в охлажденных камерах.

Сотни рабочих — «сортировщиков» — специалистов заняты разборкой и систематизацией пушнины, нескончаемым потоком направляемой со всех концов Союза, чтобы по прошествии немногих месяцев рассеяться во всей стране, для внутреннего рынка, или за границы в качестве экспортной золотой валюты.

Только на короткий срок имеется возможность для зоолога-музейца заглянуть в этот пушной конвейер, чтобы выцедить и обеспечить за наукой, за идейной, умственной культурой, замечательные образцы пушнины: черные лисицы, зайцы, рыси, волки, белые лисицы, росомахи, выдры и споты, самые причудливые помеси, не говоря уже о целых сериях звериных шкур, наглядно поясняющих географические изменения животных: медведей, волков, лисиц, рысей, свезенных с самых отдаленных уголков Союза от Кавказа до Камчатки, от Архангельска до Арарата.

Для примерной иллюстрации богатства материала этой замечательной практической Лаборатории пушнины, можно указать как пару лет тому назад, в одной из камер Холодильника, скопилось до 8.000 медвежьих шкур, доставивших возможность пишущему эти строки отобрать для Дарвиновского Музея несколько десятков нужных и редчайших экземпляров.

И, однако, одно дело наличие материала, а другое — поступление его в Музей. И вот здесь то проявилось колоссальное различие взаимоотношения Пушной промышленности и Музеев до и после Революции. Не сразу, правда, удалось наладить эту связь Музея и рабочих Холодильника, но, раз установившись, эта связь дала ценнейшие итоги.

Редкая неделя протекает без того, чтобы заваленные горами мехов столы и камеры Центральной Базы **Холодильника** не доставляли бы, при их очередных обходах автором, редчайших образцов изменчивости пушных животных, часто при прямом содействии самих рабочих-сортировщиков, наперерыв друг другу торопящихся докладывать о нахождении отдельных редкостей.

Нет ни малейшего сомнения, что без горячей помощи рабочих Холодильника Музею никогда не удалось бы так богато отразить в своих стенах отдел Мутаций и Географической Изменчивости у Млекопитающих, при том в объеме и на формах абсолютно неизвестных для науки, не имеющих ни в одном Музее Западной Европы и Америки.

Можно с полной уверенностью утверждать, что собранные **Дарвиновским Музеем** материалы по изменчивости «пушных» животных представляют из себя «фильтрат», полученный после просмотра более **мил-**

лиарда особей. Вместе с другими, столь же уникальными коллекциями Дарвиновского Музея по изменчивости промысловых птиц, почти полвека собиравшихся за счет полумиллиарда особей можно уверенно сказать, что собранные в **Дарвиновском Музее** материалы по изменчивости высших позвоночных абсолютно уникальных в мировом масштабе.

И, однако, как ни хлопотливы были первые шаги к установлению контакта Дарвиновского Музея и **Союзпушнины**, эти трудности бледнеют перед теми, что потребовались для организации Отдела **Менделизма** и **Генетики**.

И в самом деле. Как им трудно было организовать зоологический просмотр материалов **Холодильника Союзпушнины**, самая работа эта целиком сводилась к «отфильтровыванию» уже готовых материалов.

Но совсем не то при добывании гибридов получаемых в условиях искусственного скрещивания и точного научного контроля, невозможного без постановки специальных опытов.

Организация подобных опытов, особенно в условиях продовольственного кризиса возможной оказалась лишь на территории **Моск. Зоологического Сада**.³

Такова была картина состояния Московского Зоологического Сада, когда летом 1919 года пишущему эти строки было сделано от Наркомпроса предложение — взять на себя научное заведование Садам. Сознавая все недуги этого больного учреждения, автор долго колебался дать свое согласие и лишь категорическое заявление **Наркомпроса** и зоологов-профессоров (Кожевникова и Белоголового), что в случае моего отказа не исключена возможность ликвидации **Моск. Зоосада**, вынудило пишущего эти строки дать свое согласие.

Здесь, разумеется, не место излагать историю, вернее, мартиролог моего 4-х летнего заведования **Моск. Зоосадам**. В годы небывалых трудностей — в тифозной, мерзлой, голодающей столице, в обстановке, лишь едва достаточной для поддержания населения, приходилось думать и заботиться о сохранении тысяч обитателей Зоологического Сада и четвероногих, и двуногих, оперенных и бесперых.

Сколько раз за эти долгие четыре года — гибель опекаемых зверей казалась неизбежной из-за прекращения доставки фуража в Москву. И каждый раз, ценой героических усилий, личных обращений в продовольственные органы и долгих уговоров удавалось отложить, отсрочить надвигающуюся катастрофу. «Да поймите же», так говорили в Продовольственном отделе (МПО), «что не хватает круп для детских яслей, а Вы просите пшена для Ваших голубей!» «Вы правы! приходилось отвечать на это бывшему директору Зоосада, но подумайте о том что, сохранивши Сад, вы сохраняете источник чистой радости для той же детворы!»

И тут же предьявляешь отзывы заведующих детдомов о Зоосаде, свои книги о животных Сада, фотографии, рисунки, убеждаешь, уговариваешь, умоляешь.... и в итоге разрешительная резолюция на несколько пудов пшена...

---

³ Удивительна судьба и вся минувшая история **Моск. Зоол. Сада**. Призванное к жизни около середины прошлого столетия по мысли группы выдающихся ученых, призванное стать источником широкого и радостного просвещения, учреждение это выполняло свою миссию тяжелой, дорогой ценой неиссякаемых страданий для животных, распрей для людей, их опекающих.

Как зараженное в момент зачатия дитя, беспечно радуя гостей таил болезнь и неисчерпаемый источник горя и страдания для себя и для родителей, так и **Моск. Зоосад** с момента основания таил задатки своего недуга. Радуя миллионы преходящих зрителей, **Моск. Зоосад** для лиц, причастных к управлению его, был дар «Пандоры», вечный неисчерпаемый источник раздоров, горя и страданий.

Расположенный в низине, на сыром и топком месте, сплошь пропитанном миазмами, с полустоящими прудками, Сад являл собой источник постоянного заражения для своих четвероногих жителей: туберкулез и пр. инфекции не покидали клеток и загонов.

Но еще острее, чем локальные несовершенства Сада, отражались на его судьбе финансовые затруднения. Не субсидированное правительством и существуя лишь на частные пожертвования, да на входную плату, Сад издавна вынуждаем для пополнения бюджета содержать на территории своей увеселительные заведения сомнительного типа: в результате постоянные финансовые кризисы и дефицитность Сада, выправляемые гастрольями борцов и прочих еще менее, вернее, еще более зоологических двуногих.

Но, конечно, наиболее фатальным, основным недугом учреждения был непреходящий кризис управленческого аппарата Члены Общества, в огромном большинстве не связанные с зоологией, не получая материальных выгод, тем усерднее соперничали в деле управления Садам.

В результате — бесконечные интриги, партии и группировки, смены ими назначаемых директоров, порою столь же мало сведущих в зоологии, как и лица, назначающие их: люди различивших профессий: пчеловоды, фармацевты, энтомологи и педагоги пестрой чредой сменялись на посту директора **Моск. Зоосада**, уходя бесславно с этого безрадостного места.

«Берите! Сагитировали!» улыбаясь, отвечают строгие и скарденные по нужде заведующие **Наркомпрода** и падеж животных с голода наполовину «съевших» свои мышцы, оказался отодвинутым.

Но, разумеется, еще труднее было сохранение крупных травоядных из-за перебоев в получении овса и сена: следствием бескормицы явилась массовая гибель транспорта и помнится, как проезжая несколько кварталов, отделявших Дарвиновский Музей от Зоосада, неизменно можно было видеть трупы лошадей валявшихся на улицах Москвы, на радость хищным обитателям Зоологического Сада — львам и тиграм.

Но и этот массовый падеж только отчасти разрешал задачу о прокорме хищников: волков, тигров, львов и леопардов.

Их былая пища в Зоосаде — свежая конина — сделалась «деликатесом» для московских жителей и заменилась лошадиной падалью. Но даже трупы павших лошадей нередко добывались «с бою», когда ту же «дохлую кобылу», словно грифы и стервятники на падали, оспаривал, друг у друга представители различных ведомств, помнится, как, конкурируя с другими учреждениями за эту же смрадную добычу, пиущему эти строки приходилось доходить до Замнаркома!

Таковы были конкретные условия, среди которых автор принял пост Директора Московского Зоологического Сада.

Занятый по преимуществу заботами о прокормлении людского персонала и зверей, я лишь урывками мог отдаваться основной моей обязанности — постановкой просветительной и собственно научной деятельностью учреждения.

Не касаясь первой — (в проведении которой автор принимал активное участие, руководясь тем правилом, что если сам Директор Зоосада и Музея не способен лично образцово провести его осмотр то подобному «директору» не место в учреждении!) — обратимся к рассмотрению второй — научной деятельности, тесно связанной с работой **Дарвиновского Музея**.

В основание научной деятельности Зоосада мною полагались следующие принципы:

Максимальное использование живых животных Сада и при том в двойном направлении.

А. Изучение повадок, поведения животных в свете эволюционной Био-психологии.

В. Постановка ряда опытов по скрещиванию животных в целях изучения закономерностей наследственности.

Короче говоря: изучение психики и поведения животных, их изменчивости и наследственности.

Таковы два главных основных раздела собственно научной деятельности Зоосада в годы моего заведования им. И если в отношении программном сходные работы может быть и проводились в сходных учреждениях, то в московском Зоосаде работы эти ставились впервые и при том в объеме, позавидовать которому могли бы и крупнейшие Сады Европы.

Этот относительный успех работ определяется не столько материалом, сколько привлечением к ним квалифицированных сил в лице заведующей Зоопсихологическим Отделом **Дарвиновского Музея** — Н.Н. Ладыгиной-Котс и крупнейшего художника-анималиста В. Ватагина, а по разделу помесей — музейным закреплением (в виде зарисовок, масляных таблиц и препаратов) получаемых гибридов их «документальным» сохранением для массовой научно-просветительной работы.

Вряд ли нужно говорить, что всякую неизбежную в зоосадской практике эпизодическую убыль тех или иных животных (к сожалению отчасти участвовавшую в годы продовольственного кризиса) мы старались также по возможности использовать в музейных целях.

Исходя из убеждения в необходимости предельного использования каждого животного, раз сохранение его так дорого обходится стране.

В итоге — кипы дневников, фиксирующих наблюдения за повадками животных Сада и бесчисленные зарисовки, закрепляющие эту жизнь в точных, смелых, выразительных набросках.

Сколько раз, бывало, в предрассветный час стучался тот иной служитель с «внеочередным» докладом о рождении редкого «питомца» Сада и немного позже сам Директор и его жена в сопровождении художника Ватагина уже на месте для протоколирования пером и зарисовкой поведения детеныша и матери: уход за молодежью, игры у животных, форма симбиоза, усвоение и оспаривание добычи, отношения животных к человеку — эти и подобные им темы доставляли богатейший материал, годами ждущий обработки и показа в будущем Зоопсихологическом Отделе **Дарвиновского Музея**.

Также не совсем обычно было разрешение второй задачи — постановки опытов по скрещиванию зверей и птиц, для иллюстрации главнейших положений Менделизма и Генетики.

В течение немногих лет было получено не мало замечательных гибридов (волка и собаки, Яка с Зебу) и особенно у птиц: фазанов, уток, кур и голубей (так, в частности, был повторен известный Дарвиновский опыт скрещивания **белого** «павлиньего» и **черного** «Индиана» с получением дикой, **сизой** масти в третьем внучатном поколении).

Не претендую в большей своей части на «научные открытия» и хорошо известные в литературе, эти опыты доставили ценнейший материал для **Дарвиновского Музея**, положив начало уникальному его Отделу, посвященному Генетике и Менделизму, иллюстрации главнейших правил и закономерностей наследования прирожденных признаков: принципа «однотипности помесей первого поколения», принципа «расщепления», «наследственности признаков» и множества других, отчасти установленных еще Дарвиным.